

Первый партизанский отряд

Часов в десять утра выстроили нас и повели строем туда, где должен был расположиться наш партизанский отряд. Шли дорогой, потом тропинкой. Тропинка исчезла и снова появилась. Впереди меня шла Аня Ивина и всю дорогу о чем-то плакала. Спрашиваю шепотом: "Что случилось, почему ты плачешь?" Она ответила: "Сердце у меня болит: убьют меня здесь, а что будет с Костей?"

Аня родилась в 1911 году в небольшом астраханском поселке. В Астрахани закончила сельскохозяйственный техникум. На работу была направлена в Анапу вместе с Аней Прихленко и Асей Головочевой. Аню направили работать агрономом-виноградарем на первое отделение бывшего совхоза имени Молотова. В 1938 году забрали ее отца как врага народа. Кроме Ани, у матери

29

осталось трое несовершеннолетних детей. Жили очень трудно, только благодаря Ане не умирали с голоду. Она все время оказывала посильную помощь. В 1940 году Аня вышла замуж, но брак оказался неудачным, с мужем разошлись. Меньший брат Костя остался жить с Аней. Он хотел стать летчиком и верил, что только Аня поможет осуществить его мечту.

Перед началом Отечественной войны Аню назначили работать управляющей 1-м отделением совхоза им. Ленина. Она пользовалась большим авторитетом и уважением. В отряд вместе с Аней взяли и ее брата — Костю Ивина, ему было лет 14—15. В отряде Аня сразу стала заметно активной, а Костю определили в разведку. Он принимал участие чуть ли не во всех разведках. Стал не по-детски взрослым, серьезным и не болтливым. Бывало, спрашиваю его: "Костя, расскажи хоть, что ты чувствуешь в разведке, страшно, наверное?" А он ответит: "Сходи, попробуй, тогда мне расскажешь".

Как-то за мной пришел Костя Ивин и сказал: "Тебя вызывает командир". Я сразу же пошла к штабной палатке. Около нее стояли командир отряда Приходько Кузьма Григорьевич и комиссар Фролов Павел Акимович. Как они были непохожи друг на друга и внешне, и характерами! Резкий, быстрый командир и добродушный, безобидный на вид комиссар. Связывала их давняя дружба, оба они организовывали совхоз. Фролов П. А. был директором совхоза, а Приходько К. Г. — его заместителем. Умело, слаженно руководили они хозяйством. Вскоре совхоз стал передовым. За

хорошие показатели директора наградили орденом. Потом перевели работать в Анапский райком партии. В отряде они снова вместе. Оба одеты в военную форму без каких-либо знаков отличия. Светлые волосы, резкие черты лица строго подчеркивали стройную выправку командира, он казался недоступно строгим. Черные волнистые волосы комиссара украшали и без того красивое лицо. Правильные черты лица, длинные ровные зубы делали его улыбку добрее и мягче.

Первым со мной заговорил командир: "Мы вот посоветовались с Павлом Акимовичем и решили тебя пригласить. Как ты смотришь, если тебя подключить к разведке? Необходимо будет оказывать первую медицинскую помощь, твоя роль — перевязывать раненых". Я сразу согласилась. Надо же себя испытать. А то, может быть, я трусиха? На постах здесь проще: по два человека стоим, да и меняемся через каждые четыре часа. Я не представляла, что Кузьма Григорьевич может так просто разговаривать со мной. Поговорили о совхозе, затем он сказал: "Ты знаешь, немцам передали списки уже на второй день и в них никого из нас не пропустили. Только неизвестно, кто передал". Я говорю: "А не мог это сделать кладовщик? Уж очень зло он на нас смотрел, когда подъехали к складу". — "Вроде бы нет", — ответил Павел Акимович. Потом они между собой поговорили о том, кого надо было бы еще взять в отряд (назвали фамилии). "Но они и там нужны, — сказал Кузьма Григорьевич. — Ну ладно, иди, документы оставь в отряде, отдай Ивану Никифору, возьми винтовку и санитарную сумку, за тобой придут".

На пост меня не послали, а перед вечером пришел Костя Ивин и сказал: "Таня, тебя ждут". Я пошла с ним. Как только мы подошли, Салтыков скомандовал уже готовой группе: "Пойдемте!" Шли быстро, надо было засветло выбраться на грунтовую дорогу, проходившую по лесу. В темноте трудно ее искать. От быстрой ходьбы немного устали. Уже хорошо вечерело, когда мы вышли на дорогу. Выбрали маленькую полянку, сели отдохнуть, а заодно и подкрепиться.

Командир достал сало, хлеб, нарезал по кусочку. Вынул фляжку, открыл колпачок, налил в него спирт из фляжки, а у Степы Смолина была фляжка с водой.

Я сидела в стороне и очень неудобно себя чувствовала. Когда всех командир обнес колачком со спиртом и закуской, подошел ко мне. Я сказала: "Не надо мне, не хочу". Но Салтыков настоял: "Не положено. Все должны понемногу выпить и закусить".

И снова долго шли по лесу. Тут появилась луна и стало светло. На привале я узнала, что идем мы за противотанковым оружием, ребята раздобыли его и спрятали, но в сильно просматриваемом месте. Там были и заряды к нему. Нам предстояло затащить оружие подальше в лес, откуда потом, не опасаясь, можно забрать его в отряд.

Кончился лес, стали появляться редкие деревца, кустарники, но скоро и они кончились. У одного из кустарников мне приказали остаться и ждать, никуда не уходить. Потом по обстановке сориентироваться, но без команды не уходить. И все они пошли по голому полю в полусогнутом положении. Очень долго их не было. Сперва стояла, глядела во все глаза и ничего не видела. Потом меня стал одолевать страх. А что, если они забыли, где меня оставили, и до утра не придут? Я не знаю дорогу назад. Что же мне тогда делать? Луна закатилась, и начало темнеть, воздух стал прохладнее. Я поняла, что приближается рассвет, а ребят все не было. Стало больно глазам всматриваться в темноту и вслушиваться в шумную ночь. Где-то шла стрельба, но не в той стороне, куда пошли Салтыков с ребятами. Вдруг недалеко ^{услышала} тихий шорох. Они, слава Богу! Подошли ко мне все и, не останавливаясь, вместе пошли дальше. Все было в порядке, они успели перепрятать добычу. А я сказала себе: "Боюсь, значит, трусиха".

День 7 сентября с утра начался сплошными неудачами. Завтрак не был приготовлен по той причине, что не смогли запастись водой. Дело в том, что родничок, откуда носили воду в отряд, был недалеко от проезжей грунтовой дороги, по которой начали продвигаться немцы. За водой направили двух ребят в засаду и трех женщин с камерами от машин. Эти камеры погружали в воду, через маленькое отверстие вода наполняла их. Закрутив отверстие ниппелем, перебросив камеру с водой через плечо, шли к кухне. Но только приблизились к роднику, там оказалась

небольшая группа немцев. Петя Литвинов и Ваня из солдат успели крикнуть Ане Прихленко, Марусе Петровой и Гале Сергиенко, чтобы срочно сообщили в отряд, что воды не набрать, встретились с немцами. А сами открыли стрельбу. Немцы в ответ застрочили из автоматов в сторону леса наугад. В лес идти они не рискнули и, быстро отстреливаясь, побежали к машине и уехали. Вернувшись в отряд, ребята обо всем доложили командованию.

На кухне не думали, что вернутся без воды, и затопили печь, которая прикрывалась заслонкой из жести. Когда Тая Колмыкова стала тушить печь, нечаянно наступила на раскаленную заслонку и сильно обожгла ногу. Нужен был бы холод, но не было воды. Обняв руками ногу, она сидела и извивалась от боли.

Через каждые четыре часа менялись посты, их было три вокруг всего отряда. Александр Ананьевич — командир "первого отделения" — бросил коротко: "Оля Компаниец и Вася Сухоруков, на пост!" Оля недавно сменилась и занялась стиркой, у нее давно было замочено в воде белье. "Ой, опять не постирала!" — сказала она, но быстро подбежала Аня Ивина и попросилась: "Пошлите меня за Олю, пусть она постирает". Ане сильно нравился Вася Сухоруков, и она этого не скрывала. Часто говорила, что никто ей так не нравился, как Вася. Получив согласие командира отделения, Аня мигом вбежала в палатку и через минутку вышла в шелковом цветном платье. Ей хотелось понравиться Васе. Вася был по национальности мордвин, черноволосый, со смутным лицом и темными глазами. Лицо его было симпатичным, характер осторожным. Казалось, этот человек никогда не поступит необдуманно. Нравилась ему Аня или нет? Никогда не высказывал ничего отрицательного, но и положительного не было заметно. О том, что она его любит, он знал. Да, такая уж она, Аня — вся открытая, как на ладони, без притворства, без хитрости. Ане и раньше часто приходилось стоять на этом посту, и она на дереве вырезала ножом слова: "Здесь погибла славная трусиха Аня". Она быстро находила общий язык со всеми, была прямая в разговоре, ни для кого не была загадкой. Лицо у нее было нежное, но был недостаток, о котором она, не скрываясь, говорила: "Эх, фигурку бы

мне, тогда и с Васей можно было бы поговорить". У нее почти не было бедер, и когда она носила юбку, то хотелось сказать: "Не идет она тебе, очень сильно обтягивает, и видно, что нет фигуры". С Васей ей впервые пришлось идти на пост и хотелось выглядеть красивей. Вот и надела самое нарядное платье, которое взяла с собой в отряд.

Сменив пост и расположившись так, чтобы было заметно дорогу и незаметно постовых, они пристально всматривались вдаль. Первой шепотом заговорила Аня:

— Знаешь, у меня такое плохое настроение, что и передать трудно.

— Когда плохое настроение, то не улыбаются.

— Нет, правда, я тебе говорю. Я вместо Оли пошла из-за тебя, мне давно хотелось с тобой побыть.

— Знаю, Аня; мне уже девчата рассказывали, что я тебе нравлюсь, но не то время сейчас. Вот война кончится, тогда о любви поговорить можно будет.

Аня отвернулась и подумала: "Нет, не нравлюсь я ему. Зачем затеваю этот разговор?"

Помолчав немного, сказала:

— И правда, так сердце ноет. Оно у меня, как барометр на погоду. За Костю боюсь, а за себя не страшно.

Вдруг послышался какой-то гул. Аня попросила, чтобы Вася пошел посмотреть: может, по щели что движется. Вася быстро побежал к щели, посмотрел, послушал, ничего нет. Но гул приближался, и он быстро направился к посту. Едва Аня прошла мимо деревьев, как заметила несколько машин с вооруженными автоматчиками, они двигались по дороге в сторону партизанского отряда. Аня не растерялась, но она прекрасно знала, что только ценой своей жизни и только она должна как-то хоть на несколько минут задержать немцев. Ведь вся эта колонна шла на отряд, а в отряде об этом ничего не знали. Аня успела крикнуть: "Вася, беги в штаб, скажи, что немцы, я их задержу". Прыжком он бросился к щели и побежал что было сил. Уже слышалась стрельба, он успел заметить группу немцев и вроде бы мужчину в сером костюме. Только бы успеть поднять всех. Но что с Аней? Перед ним мелькало ее лицо и слова: "Я их задержу!" Ноги подкашивались. Что с Аней?

Аня знала, что этот бой для нее последний. Могла бы вместо Васи бежать в штаб, но она не доверяла, боялась, что Вася струсит. Пять патронов из обоймы винтовки она выстрелила первой в немцев. Потом поднялась и бросила гранату. А когда снова поднялась, чтобы подальше бросить еще одну гранату, была убита автоматной очередью.

Вася, добежав до штабной палатки, успел выпалить: "Немцы Аню обстреляли!" Быстро были подняты все до одного, бросились в сторону поста "первого отделения" под командованием Александра Ананьевича, другие заняли позиции на случай окружения и подкрепления "первого отделения". Завязался бой, немцы выскочили на тропинку в наш отряд. Начали стрелять по ним со всех сторон. Сколько их было убито, неизвестно. А у нас был ранен в руку, в предплечье, Ваня Дорофеев, убита Аня Ивина. Немцы стали отходить. Стрельба постепенно затихла. Начальником штаба был Калачев Евгений. В прошлом был, говорят, командиром белой гвардии. Но потом с советской властью связал свою судьбу. До отряда работал в совхозе начальником планового отдела.

Командир и комиссар отряда принимают решение отходить. Если немцы пустят сильное подкрепление, нам не устоять. Наше второе отделение заняло оборону. Я была справа, недалеко от командира отделения. Очень внимательно всматриваясь вперед, я слышала шаги по тропинке ~~сзади~~ ~~меня~~ и голос: "Таня, мы уходим". Я не думала, что это касается меня, думала, что просто меняют позиции. А когда оглянулась, то увидела, что никого поблизости нет. Стрельба давно закончилась. Я поднялась и не знаю куда идти. Между деревьев добежала до палатки радистки, это было недалеко. По дороге встретила с бабушкой. Вдвоем с ней вошли в палатку. Тоня-радистка металась, не зная, что делать. "Что случилось?" — спрашиваю. Она отвечает: "Сказали, что мы отходим, и пошли по тропинке мимо меня. Я же рацию не могу бросить, а одной мне не поднять и рацию, и питание к ней. Как хорошо, что вы зашли, вы мне поможете. Если рация попадет немцам, то мне делать нечего, она стоит моей жизни".

Тоня-радистка. Очень мало мы знали о ней. Фамилия ее Иванова. А было ли это на самом деле так? Она

мало с кем общалась, время проводила в своей палатке с рацией. О себе она почти ничего не рассказывала. Правда, как-то сказала, что у нее сын в Абрау-Дюрсо. Значит, она из Абрау-Дюрсо. А может быть, ее прислали из штаба армии. Это была очень красивая женщина. Мы знали, что недалеко от нашего отделения был пост. Я сказала: "А что если я сбегаяю на пост? Может, там есть кто из ребят?" На посту стояли два молоденьких солдата, они тут же спросили: "Что за стрельба?" Я ответила: "В отряде, кроме нас, никого нет. Все отошли". Они мне не поверили. Как же так, должны ведь были посты поснимать. А самовольно они не имеют права уйти с поста. "Какие посты? — говорю. — Понимаете, никого нет в отряде, лучше помогите Тоне-радистке".

Догонять и искать отряд нам пришлось недолго. Отступив, отряд стал делать сверку по отделениям, кто есть в наличии, и обнаружилось, что нас недостает. Решили посылать по два человека в разные стороны по лесу отыскивать нас. Отыскали. Теперь не хватало только одной Ани, но мы все знали, что ее убили немцы.

На второй день, лунной ночью послали Мирошниченко Василия Иосифовича и Гену Кислицына, чтобы похоронили Аню. Здесь же, на месте ее гибели, они вырыли неглубокую могилку, завернули Аню в простыню и похоронили, насыпав небольшой холмик земли над ее телом. Низко поклонились ее могиле Василий Иосифович и Гена, вернулись в отряд. Отряд их ждал, и

В группе, которую готовили для перехода линии фронта, было 67 человек. Из нашего отряда 13 человек: Тоня Иванова — радистка, Аня Давыдова, Маруся Петрова, Ася Головачева, Аня Прихленко, Галя Сергиенко, Костя Ивин, Фоменко, Ваня З., Абрам, Лифтеров, Федченко, Оранский, Боюр и Терещенко — не вернулись с задания, их послали в колхоз "2-я Пятилетка", где они работали. За старших отправили опять из Варениковского отряда Матвеева и еще двоих (не помню их фамилий). Один носил очень длинную шинель, со здоровьем, наверное, у него не все было в порядке. Другой очень сильно кашлял. В отряде кашель его мог выдать. Знаем, что группа эта не прошла через линию фронта. А может, до нее не дошла. Скорее всего, опять было предательство. Встал вопрос: что же делать

Публикуется по: Первый партизанский отряд : из воспоминаний Мельничук Татьяны Петровны // Только бы помнили вас живые... : Докум. рассказы о партизанах и подпольщиках Анапы, действовавших во время оккупации 1942-1943 гг. / Сост. Т. П. Мельничук. — Краснодар: Советская Кубань, 1996. — С. 26 — 54.